

А. И. Куприн

А. Н. Будищев

(24 ноября 1916 г. Гатчина)

OCR: dalai@kuprin.de

Все люди, которым по обязанности или по личному влечению приходится ежедневно читать газеты, не могли не обратить внимания на странный закон эпидемичности, которому подвержены жизненные явления. Неожиданно, без всякой причины, вдруг учащаются случаи одного и того же характера. Я не говорю здесь ни о летних пожарах в русских деревнях, ни о повальных заразных болезнях, ни о случаях иногда стихийных самоубийств, которые овладевают известной частью общества,-- такие явления можно объяснить без особого труда логическим путем. Но чем-то таинственным и непонятным веет от таких, например, случаев, когда смерть начинает косить подряд много жизней, посвященных искусству, или науке, или философии.

Совсем недавно умер Сенкевич. Трагически нелепо, из-за роковой незначительной неловкости, промаха или рассеянности ужасно погиб Верхарн. Жестоко порвал все расчеты с жизнью молодой, еще мало известный, несомненно одаренный острым и блестящим талантом писатель Лозино-Лозинский. Скончался маститый итальянский поэт Стеккети. На днях я писал в "Русском слове" о смерти замечательного американского писателя Джека Лондона, которого знал лично только по неточным фотографиям, и вот мог ли я подумать, что на столбцах той же газеты мне придется писать об Алексее Николаевиче Будищеве, с которым мы прожили несколько лет вместе в Гатчине, в тишине и простоте провинциального уединения,-- писать как об ушедшем навсегда из жизни?

Навсегда живой, врезанной неизгладимыми чертами, останется во мне светлая и простая личность Будищева, сохраненная в памяти по тому времени в начале войны, когда моя семья в нашем небольшом гатчинском доме устроила лазарет для раненых солдат. Каждый день посещая наших гостей, Алексей Николаевич всегда приносил с собой какие-нибудь гостинцы: булки, табак, яблоки,-- читал им газеты, и несколько часов пролетали в неторопливой содержательной беседе на всегда волнующую и никогда не иссякаемую тему о том, "как и что в деревне". Я не завистник, но иногда меня брала досада на самого себя за то, что я никогда бы не сумел так просто, естественно и ласково, без всякой натяжки, без лишней фамильярности подойти к душе русского солдата и заставить ее звучать правдивыми глубокими звуками, как это умел сделать Алексей Николаевич. Многих из наших незаметных героев он проводил благословением на новые подвиги, может быть, на новые раны и даже на смерть. Помню, как у него дрожал голос и блестели глаза, когда впервые объявил он весело солдатам о выступлении Италии. Все вы, бодрые и милые солдаты: красавец Балан, и рыболов Тунеев, и длинный Мезенцев, и ловкий Досенко, и добродушный татарин Собоханкулов, и веселый Николенко, и мастер вырезать из дерева игрушки Пегенько, и Шилько (ныне пленный), и Аксенов, и Прегуадзе, и многие, многие другие,-- я уверен, что, если до вас дойдут случайно эти строки, вы помянете вашего друга искренним вздохом, добрым словом, крестом.

Поистине весь Алексей Николаевич светился какой-то внутренней глубокой христианской чистотой. Именно более чистого душевно человека я никогда не встречал в моей жизни. Всякое насилие, несправедливость, ложь, хотя бы они касались чужих ему людей, заставляли его терпко и болезненно страдать. Фиглярство и обман, наглая крикливость и хулиганство в литературе были ему прямо физически противны. Показной или обязательной набожности в Будищеве не замечалось, но в душе он был хорошо, тепло, широко верующим человеком, светлым, беззлобным и легко прощающим человеческие слабости и ошибки. Насколько я помню, только против германцев, особенно против их способов вести войну, вырывались у него жестокие, гневные слова. А надо сказать, что известиями и слухами о войне он волновался и горел непрестанно с самого ее начала. И без всяких преувеличений можно сказать, что это страстное отношение к войне значительно ускорило его кончину. Умереть, не достигнув пятидесяти лет,-- ведь это очень рано даже и для русского писателя, особенно для такого воздержанного, целомудренного, умеренного и постоянного в привычках хорошей жизни, как Будищев.

Раннее детство Алексея Николаевича прошло в родовом гнезде в деревне Багреевка, кажется,